

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ИНДИИ

Е.В. Круглова

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье предпринимается попытка изучения феномена лидерства в Индии, которая учитывала бы как его объективные, так и субъективные факторы. Автор приходит к выводу, что поведение лидеров и последователей во многом определяется их принадлежностью к разного рода первичным аскриптивным группам. Отношения между ведущими и ведомыми строятся по принципу «патрон-клиент», когда разного рода ресурсы и покровительство со стороны первых обмениваются на политическую поддержку со стороны вторых. Один из главных элементов ситуации, в рамках которой разворачивается процесс лидерского взаимодействия, — вертикальная и горизонтальная фрагментированность общества, в котором одновременно присутствуют как традиционные, так и современные слои, а также ячейки кастового, религиозного и этнолингвистического характера. Подобный дуализм, как представляется, отвечает интересам индийской политической верхушки, так как предоставляет большие возможности для политической мобилизации.

В настоящее время теоретические и практические аспекты лидерства достаточно широко обсуждаются как в научной, так и в публицистической литературе. Исследователи расходятся во мнениях относительно сути данного феномена и порождающих его причин. Сторонники так называемых волюнтаристских концепций рассматривают лидерство как личностную характеристику, атрибут значимости человека, который становится лидером в силу обладания некоторыми качествами, выгодно отличающими его от прочих людей. Приверженцы ситуационных теорий считают, что лидерство вызывается к жизни стечением объективных обстоятельств и является производной от ситуации. В рамках теории конституентов феномен лидерства объясняется через последователей и трактуется как функция группы. Наконец, существует взгляд на лидерство как на инструмент достижения цели, результата. При таком подходе во главу анализа ставится программа, которую субъекты лидерского взаимодействия намерены претворить в жизнь [11].

Совокупность вышеозначенных интерпретаций позволяет увидеть разнообразные стороны политического лидерства, однако еще не дает его целостной

картины. Для всестороннего, комплексного изучения данного феномена необходимо учитывать как его субъективные, так и объективные факторы. Соответственно, рассматривая политическое лидерство в Индии, мы будем обращать особое внимание на такие его составляющие, как личности лидеров и их последователей, социально-экономический и политико-культурный контекст, в рамках которого между ними осуществляется взаимодействие, а также круг задач, на выполнение которых это взаимодействие ориентировано.

Следует сразу отметить, что индийское общество далеко не так «заряжено» на успех и лидерство, как, скажем, американское или, с некоторых пор и в некоторых его сегментах, российское. Как представляется, объяснение этому нужно искать в особенностях исторического развития Индии, ее социальной организации и политической культуры. Цивилизационное ядро индийской культурной традиции составляет индуизм, приверженцами которого являются более 80% населения страны [1]. Помимо индуизма, индийцы исповедуют отпочковавшиеся от индуизма буддизм, сикхизм и джайнизм, привнесенные извне ислам и христианство, а также пришедшие из глубокой древности анимизм и тотемизм. В связи с тем, что эти религиозные меньшинства формировались преимущественно путем прозелитизма или же подверглись влиянию социально-культурной традиции индуизма, многие нормы и ценности последнего свойственны и им. Так, несмотря на конституционную отмену, повсеместно распространенным остается деление общества по кастовому признаку (1). В Индии элементы кастовой системы наблюдаются даже у христиан, мусульман, парсов и сикхов — то есть представителей конфессий, которые в отношении подобных принципов и идей занимают очень жесткие позиции. Например, известны случаи недопущения браков между выходцами из семей, принявших эти религии достаточно давно, и новообращенными — на том основании, что последние в сравнении с первыми обладают низким ритуальным статусом [4, 27.09.05].

Принадлежность к касте, с точки зрения индийца, не является следствием слепой игры случая. Она задается кармой — суммой злых и добрых дел каждой индивидуальной души в процессе ее перерождений, реальность которых не ставится под сомнение большинством местных жителей, какого бы вероисповедания они ни придерживались. Хорошая карма гарантирует удачное появление на свет — брахманом или князем, пользующимся всеобщим уважением и почетом; напротив, скверная карма ведет к ухудшению положения индивида — вплоть до превращения его в раба, «неприкасаемого», а то и вовсе животного или насекомого. Каста определяет дхарму человека — свод общих правил, регламентирующих его веру и поведение. Неукоснительное исполнение дхармы, то есть жизнь в строгом соответствии с данным от рождения социальным статусом, наращивает положительный потенциал кармы и обещает более высокое общественное положение — правда, лишь с новым перевоплощением [12. С. 54—55]. Подобные представления накладывают серьезные ограничения на проявление лидерских амбиций со стороны представителей низших и средних каст, не говоря уже о так называемых «неприкасаемых», самых бесправных группах индийского населения, которые вообще находятся вне кастовой системы. Эти

ограничения носят не только внешний, но и внутренний характер. С одной стороны, любые устремления как-то возвыситься над ситуацией жестко контролируются и даже подавляются обществом, а с другой, большинству выходцев из средних и особенно низших слоев и в голову не придет претендовать на что-то, не соответствующее их ритуальному рангу и социальному статусу. Средний индеец вполне удовлетворен своей жизнью, как бы тяжела она ни была. Этим во многом объясняется порой вызывающая удивление общественная стабильность. Страшно даже представить, что может произойти, если в миллиардной Индии, где едва ли не треть населения продолжает жить за чертой бедности, массы вдруг начнут претендовать на ту долю ресурсов, которая, с точки зрения какого-нибудь избалованного либерально-демократической риторикой европейца, принадлежит им по праву. Однако кастовое сознание сглаживает социальные противоречия. К тому же наличие огромного числа каст (по некоторым оценкам — до 15 тысяч!) разобщает местное население: кастовая идентичность у него превалирует над классовыми интересами, и потенциалы для масштабного бунта исчерпываются.

В политическом процессе проявления кастового сознания наблюдаются довольно часто. Так, формальное предоставление далитам (бывшим «неприкасаемым») равных со всеми прав и попытки некоторых из них этими правами воспользоваться до сих пор вызывают ожесточенное сопротивление со стороны высоких и особенно средних каст. Далитам запрещают пользоваться общими источниками воды, принимать пищу вместе с прочими членами общины, посещать храмы [см., напр., 2, 11.07.06; 16.06.06; 31.05.06; 10.07.06]. В прессе появляются сообщения о том, что президенты деревенских панчаятов (2) — далиты, избранные на эти места по квоте, в ходе собраний вынуждены сидеть на полу, в то время как все остальные члены советов — кастовые индусы — располагаются на стульях. При этом выборы в подобные, «зарезервированные», советы не проводятся десятилетиями — кастовые индусы не могут свыкнуться с мыслью о том, что возглавлять панчайт будет «неприкасаемый». Далитов избивают, уничтожают принадлежащее им имущество, даже убивают — и все это при полном попустительстве полиции [см., напр., 2, 11.07.06]. Особенно страдают те, кто сумел хоть немного вырваться из крайне бедственного положения, в котором находится подавляющее большинство представителей этого социального слоя. Однако обращает на себя внимание и такой факт: большое количество мест, зарезервированных за «хариджанами» (3) в учебных заведениях и разного рода административных органах, остаются незанятыми, т.е. далиты просто не пользуются предоставленными им государством правами. Похожая ситуация и со средними кастами. Не так давно в Индии активно обсуждался вопрос о резервировании за ними 27% мест в центральных ВУЗах. Этому всячески противились представители высоких каст, которые привыкли иметь свободный доступ к образованию. На уровне многих штатов законы о предоставлении выходцам из средних каст разного рода квот на службе и в университетах приняты достаточно давно, однако и здесь значительное число мест остаются вакантными, а если кто и пользуется плодами политики резервирования, то это так назы-

ваемая «кремовая прослойка» — т.е. наиболее продвинутые представители средних слоев. Безусловно, тому есть и вполне объективные причины экономического характера, однако особенности местного менталитета также должны быть приняты во внимание — люди не желают нарушать дхарму, претендуя на несоответствующие ритуальному рангу права и привилегии.

Выработке и закреплению комплекса врожденного превосходства у одних и приниженности у других, гораздо более многочисленных, слоев населения способствовала и традиционная индийская община, издревле служившая структурообразующим и организующим началом индийского общества. Она представляла собой сложнейшую систему взаимного обмена услугами между различными социальными группами и охватывала практически все стороны жизни: производство, распределение, бытовые и культовые отношения. Каждая группа выполняла свои, строго очерченные, раз и навсегда определенные функции, соблюдение которых находилось под неусыпным контролем общины, а нарушение наказывалось. Чем выше был статус группы, тем большим объемом услуг со стороны остальных членов сообщества она могла воспользоваться. Статус определял и оплату труда, а также санкции за неправомерное поведение. Вместе с тем, как указывает А.А. Куценков, эксплуататорская сущность такой системы прикрывалась сетью патриархальных отношений. Находящиеся на вершине социальной пирамиды выступали по отношению к низам в качестве отцов-покровителей, в обязанности которых входили защита своих подопечных, помощь в период невзгод, устройство их браков. «Эти отношения, связывая семьи различного статуса на протяжении жизни многих поколений, рождали порой глубокие человеческие привязанности» [12. С. 51]. В общине каждый знал свое место и роль, причем все были удовлетворены этим, ибо место в жизни определялось кастой, а принадлежность к данной касте — кармой. Другими словами, все определялось высшим законом этической справедливости, согласно которому каждый должен нести свой крест [8. С. 173]. В наши дни община в Индии начинает распадаться, но процесс этот идет медленно. Пережитки древней системы проявляют себя в виде повсеместно господствующих патронажно-клиентных отношений, которые представляют собой личностные связи между индивидами или группами индивидов, основывающиеся на обмене экономических или властных ресурсов, которыми обладает патрон, на политическую лояльность клиента.

Британские колонизаторы также внесли свою лепту в процесс воспитания чувства неполноценности у широких масс местного населения. Колониальное управление повсеместно было чрезвычайно иерархичным, патерналистским, авторитарным и в этом отношении мало чем отличалось, а иногда и превосходило по жесткости традиционные доколониальные восточные политические системы [9. С. 123]. В Индии это проявилось особенно выпукло, поскольку здесь политическая администрация издревле была слабой, а государственные образования кратковременными. Индийское общество, жившее по законам саморегулирующихся кастовых принципов и общинных норм, не очень-то нуждалось в сильной государственности: общинно-кастовая система выступала как вполне эф-

фактивная альтернатива слабой политической власти, а ее внутренние законы с успехом выполняли политико-административные функции [8. С. 161].

Вместе с тем было бы неверно утверждать, что политического лидерства как постоянного приоритетного и легитимного влияния одного или нескольких занимающих властные позиции лиц на все общество, организацию или группу в Индии вовсе не существует — хотя бы потому, что у представителей высоких каст соответствующие умения и предрасположенности также вырабатывались тысячелетиями. Индийский массовый избиратель по-прежнему привержен представителям знатных родов — раджам и махараджам, которые активно участвуют в политическом процессе. Лидерами большинства общенациональных партий являются брахманы. Вполне естественно, что между руководителями и руководимыми возвышается настоящая китайская стена, никакой внутрипартийной демократии не наблюдается. Это в равной степени относится и к Индийскому национальному конгрессу (ИНК), и к его главному оппоненту — Бхаратия Джаната Парти (БДП), и, что особенно интересно, к коммунистам. Коммунистические партии в Индии вообще отличаются своеобразием: вот уже более 30 лет их коалиция безраздельно правит в Западной Бенгалии, и с переменным успехом — в Керале и ряде северо-восточных штатов. Главной опорой левых, по крайней мере, в Западной Бенгалии, выступает сельскохозяйственный пролетариат и национальные меньшинства. Оказывая внешнюю поддержку правящему в центре Объединенному прогрессивному альянсу во главе с ИНК, коммунисты неустанно критикуют его за либеральные экономические реформы, однако во вверенных им штатах проводят аналогичную политику. В частности, в той же Западной Бенгалии они активно открывают свободные экономические зоны, запросто сгоняя с плодородных земель местных крестьян [см.: 3, 09.01.07; 15.03.07; 10.08.07].

Впрочем, в настоящее время состав политической элиты не вполне однороден. На протяжении десятилетий независимого существования Индии он значительно менялся. Еще двадцать-тридцать лет назад, чтобы стать видным политиком в Индии, кроме определенных личных способностей, необходимо было обладать высшим кастовым статусом, унаследованной собственностью и знанием английского языка. Наличие только одного или отсутствие всех этих качеств не оставляло никакого шанса на успех [12. С. 58]. Однако по мере экономической модернизации, роста общественного сознания, политизации населения, произошедшей не без влияния со стороны самого ИНК с его масштабными пропагандистскими кампаниями времен правления Индиры Ганди, а также неспособности Конгресса решить наболевшие социально-экономические проблемы на арену политической жизни Индии постепенно стала выдвигаться элита средних каст, а позднее и их социальных антиподов — далитов. Эта новая элита располагала определенными «банками» голосов, которые могла предложить партиям т.н. мейнстрима в обмен на включение в состав их органов управления и предоставление постов во властных структурах. В принципе, такой вид «торговли» голосами «своих» общностей практикуется и сейчас. Например, значи-

тельная часть далитских каст до сих пор поддерживает Конгресс. Однако в последнее время многие лидеры традиционных групп предпочитают создавать собственные, пусть даже малочисленные, партии и «торговаться» уже на качественно ином уровне. В избирательной гонке может участвовать до нескольких десятков партий. Например, на состоявшихся в 2006 году выборах в южном штате Тамилнад их было 36, причем семнадцать относились к категории «зарегистрированные непризнанные» («registered unrecognized») — то есть прошедшие процедуру регистрации, но слабо выступившие в ходе предыдущих кампаний (4). Безусловно, в одиночку подобные организации не могут всерьез вмешаться в процесс распределения власти. Однако, взятые вместе, они способны отобрать солидную часть электората у более крупных игроков, что приобретает особое значение, когда перед началом кампании ни одна из общенациональных или «штатовских» партий не обладает существенным перевесом. Это вынуждает их искать поддержки у «маргиналов», а те, в свою очередь, весьма охотно «продают» голоса своих последователей, зачастую проявляя полную беспринципность и легко меняя союзников. Впрочем, с точки зрения самих последователей, ничего аморального в этом нет: преданность клике важнее, чем преданность партии или коалиции, а традиционные связи сильнее новых.

Коалиционный принцип ставит власть в центре и на местах в зависимость от прихотей и капризов подчас малочисленных политических групп, делает ее неуверенной и неустойчивой. Правительственные кризисы последних лет в Индии были вызваны исключительно интригами руководства партий, входивших в состав правящих коалиций. В выигрыше, как правило, оказывается тот игрок, который сумеет наиболее грамотно распределить куски властного и ресурсного «пирога» и удовлетворить тем самым интересы как можно большего числа коалиционных партнеров. Если принять во внимание пресловутое индийское многообразие, задача представляется отнюдь не легкой! В 2004 г. ее удалось решить Конгрессу и не удалось — БДП. Число голосов, поданных за ИНК, по сравнению с предыдущими выборами, которые он проиграл, сократилось на 2,4%, однако он сумел привлечь на свою сторону 12 партий, и в итоге возглавляемая им коалиция одержала победу. БДП, напротив, сохранила только 9 из 24 прежних союзников, и строящийся вокруг нее Национальный демократический альянс потерпел поражение [5. С. 498].

Таким образом, можно утверждать, что состав политической элиты Индии в настоящее время значительно расширился за счет выходцев из каст среднего и даже низкого ритуального ранга. Процветающие члены общины берут на себя роль покровителя, организатора своей группы, наличие которого повышает ее самоуважение, прибавляет уверенности. Говоря об элите далитских каст, индийские политологи отмечают: даже если от ее политических успехов «выигрывает только часть общины (как правило, сама верхушка), эта часть играет важную роль в поднятии морального духа своих сограждан, помогает сбросить груз, который стал частью их психики» [цит. по: 12. С. 59—60]. То, что благополучие «кремовой прослойки» никоим образом не распространяется на основную массу

рассматриваемой категории населения, как правило, не вызывает нареканий — ведь главное, что кто-то из «своих» поднялся по ступеням социальной лестницы. Роль «локомотива» делает элиту предметом гордости общины, обеспечивает ей авторитет и свободу действий, в странах зрелой демократии просто немыслимые. Однако ошибется тот, кто предположит, будто основная масса далитов выступает за искоренение кастовой системы или же улучшение своего действительно тяжелого экономического положения. Скорее, бывшие «неприкасаемые» настаивают на повышении собственного социального статуса в рамках традиционной иерархической системы. Не случайно самые ожесточенные протесты и горькие жалобы со стороны «хариджан» вызывают осквернения статуй их лидеров, преступления против женщин или же учинение препятствий брачным процессам [см., напр., 14].

Очевидно, что при существующем многообразии групп интересов, уровней политики и политических субкультур в Индии не может быть некоего универсального типа политического лидера. Каждый социальный слой, каждая социальная группа предъявляют к лидерам свои требования. Крупный бизнес, верхушка «среднего класса», вестернизированные городские слои отдают предпочтение лидерам-реформаторам, сочетающим высокий профессионализм, деловитость и современный взгляд на жизнь [12. С. 61]. Но в масштабах Индии руководствующие такими взглядами составляют меньшинство, к тому же, по данным печати, их интерес к политике падает, а участие в выборах снижается. Весьма показательно, что нынешнему премьер-министру страны Манмохану Сингху, вроде бы отвечающему всем вышеперечисленным требованиям, ни разу не удалось победить на выборах в нижнюю палату парламента, т.е. в ходе прямых общенародных выборов. Основная масса рядовых избирателей предпочитает видеть в качестве своих лидеров земляков, авторитетных и основательных собратьев по племени, религии, касте. В сельской местности, где еще очень сильны общинные структуры, основным фактором политического выбора зачастую служат указания старейшин и руководителей панчаятов. Тот факт, что уровень явки на местах нередко превышает 80%, свидетельствует не столько об особой сознательности или активности электората, сколько о колоссальных мобилизационных возможностях, которыми располагает индийская верхушка. Таким образом, привнесенные извне современные политические институты не только не способствуют исчезновению традиционных социально-культурных комплексов, но даже влияют на их консервацию.

Среди глубоко укоренившихся в сознании индийского населения ценностей и представлений, которые лидер может использовать в своих целях, особое место занимает жертвенность, готовность претендента на депутатский мандат «пострадать за народ». «Согласно индийской культурной традиции, именно благодаря самопожертвованию богочеловека Пуруши существует человечество, общество, жизнь. О подвиге Пуруши рядовому индийцу напоминают ритуалы жертвоприношений — пуджи, которые он совершает практически ежедневно в честь богов, родственников, гостей. В политике же жертвенность служит сертификатом ис-

кренности и готовности послужить обществу» [12. С. 54]. Убийства Индиры Ганди и Раджива Ганди вызвали в стране мощную эмоциональную волну сочувствия и симпатии к ИНК, что и обеспечило ему победу на выборах в 1985 и 1991 годах. В ходе предвыборных кампаний индийские политики самого разного толка постоянно заявляют о том, что подвергаются гонениям и преследованиям со стороны официальных властей или же оппонентов. Во время недавних выборов в Законодательное Собрание штата Уттар прадеш партией БДП был выпущен диск разжигающего религиозную вражду содержания. Этим фактом озаботились противостоящие БДП партии, а также Центральная избирательная комиссия Индии. Было инициировано расследование. Однако наибольшую выгоду из всей этой шумихи извлекла именно БДП. Ее лидер Раджнатх Сингх, при отсутствии каких-либо санкций на его арест со стороны официальных властей, сопровождаемый толпами народа, пришел «сдаваться» в полицейский участок, всем своим видом демонстрируя, что в отстаивании своих взглядов и убеждений он готов идти до конца, каким бы печальным тот ни был [3, 09.04.07; 10.04.07]. Обращает на себя внимание и внешний вид индийских политиков. Подавляющее большинство членов правительства и депутатов парламента (людей материально обеспеченных и зачастую весьма вестернизированных) облачены в крайне скромный национальный наряд а-ля Махатма Ганди. С одной стороны, это должно свидетельствовать об их приверженности корням, с другой — демонстрировать крайнюю степень самозабвения в деле служения индийскому народу. Кроме того, подобный внешний аскетизм должен пробуждать в сознании рядового индийца (последователя или избирателя) образ саньясина, человека, своей праведной жизнью наиболее приблизившегося к мокше — освобождению от цепи перерождений (5).

Широко распространенная в обществе вера в реинкарнацию также находит отражение в индийском политическом процессе. В частности, многие лидеры воспринимаются своими последователями не иначе как аватары индуистских божеств. Например, бывший главный министр Бихар, ныне — министр путей сообщения Лалу Прасад Ядав своими сторонниками почитается как инкарнация Вишну. Мифологичность сознания, вероятно, объясняет и ту безграничную преданность, которую выказывают рядовые сторонники по отношению к своим лидерам. В прессе периодически появляются сообщения о людях, объявивших голодовку и даже окончивших жизнь самоубийством по причине того, что обожаемый ими кумир потерпел поражение на очередных выборах (6).

Приведем еще один любопытный пример. Некий Лакшман Сингх, трижды избиравшийся в состав центрального парламента, на всех предвыборных мероприятиях неизменно появлялся в головном уборе наподобие шлема, который, по словам политика, достался ему от семейного бога-покровителя. Большинству российских или западных избирателей такое поведение показалось бы, по меньшей мере, эксцентричным, однако для индийца, который в своей повседневной жизни плотно окружен участвующими в его судьбе богами, духами святых и прародителей, в нем нет ничего необычного или предосудительного. В Индии многие общественно-политические мероприятия сопровождаются демонстра-

тивным общением с астрологами и гадалками, совершением разнообразных ритуалов, что должно придать массам последователей уверенность в правильности действий и предстоящем успехе [12. С. 54]. В ходе предвыборных кампаний все политические партии устраивают так называемые ятры — гигантские шествия, в ходе которых агитационным, по сути, мероприятиям придается сакральный смысл. Иногда доходит до смешного: в 1997 г. представление нового кабинета министров парламенту несколько раз переносилось по причине того, что звезды-де расположены неблагоприятным образом [10].

Вероятно, с распространенностью мифологического типа сознания связано активное участие в индийском политическом процессе актеров и актрис. Особой популярностью среди избирателей пользуются исполнители ролей эпических героев и богов на телевидении. Похоже, что некоторые почитатели их таланта не в состоянии провести грань между личностью исполнителя и сыгранным персонажем. Голосуя, они делают выбор в пользу не какого-нибудь нитиша бхаратварджа, а именно лорда Кришны, в роли которого тот выступил. Понятно, что программа подобного кандидата не имеет для электората никакого значения. Известнейший индийский актер Амиабх Баччан, участвовавший в предвыборной кампании ИНК, бывало, с улыбкой признавался аудитории, что ничего не смыслит ни в политике, ни в деле управления государством, — и этим неизменно вызывал симпатию. В Аллахабаде он победил опытного политика Х.Н. Бахугуну, набрав 68,21% голосов [6. С. 102]. Данное свойство электората давно взято на вооружение всеми индийскими партиями. Сейчас нередко можно наблюдать, как в схватке за депутатский мандат в одном и том же округе сходятся не два-три профессиональных политика и даже не политик с актером — служители Мельпомены борются друг с другом.

Индийские деятели в своих предвыборных речах нередко ссылаются на дхарму, которая служит как бесспорным обоснованием их амбиций. Так, Соня Ганди мотивировала свое участие в предпоследних выборах в Локк Сабху велением дхармы. «В политику, — говорила она, — меня заставила идти дхарма моей семьи и моя деш сева дхарма». Для индийца эти слова свидетельствуют о многом, прежде всего, о принадлежности Сони Ганди к прославленной семье Неру, которая, согласно Соне, отдавала Индии «кровь, труд и слезы» (вспомним жертвенность!) и назначение (дхарма) которой — самоотверженно служить родине (деш сева) [цит. по 12. С. 55] (7). Упоминание о Соне и ее итальянском происхождении наводит на ряд других фундаментальных понятий индийской культурной традиции, которые нередко всплывают и в политическом процессе. Во-первых, это представления о чистоте — осквернении, тесно связанные с концепцией кармы-дхармы. Они «выражают высокие (чистые) или низкие (оскверняющие) кармические свойства предметов, людей, общественных групп и т.д. Стремление сохранить достигнутую в процессе многих перевоплощений степень сакральной чистоты и боязнь ее деградации в результате осквернения путем контактов с нечистыми субстанциями, предметами или представителями групп более низкого ритуального ранга лежат в основе сакральной самодоста-

точности каст и других групп традиционного типа. ... Во избежание деградации кармы священные тексты индусов запрещают представителям высоких (чистых) каст посещать другие страны. Хотя ограничения и запреты на общение с иностранцами давно потеряли свою силу, в глубинах индийского подсознания сохраняется инстинктивная настороженность против чужой (видеши) культуры и образа жизни» [12. С. 55]. Не случайно противники Сони Ганди, которая давно приняла индийское гражданство, прекрасно говорит на хинди и внешне ведет вполне традиционный образ жизни, основной упор делают на ее иностранном происхождении (8). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Соня, будучи реальным лидером нынешнего ИНК, отказалась занять пост премьер-министра страны после того, как Конгресс победил на выборах в 2004 году. Она предвидела, что вопрос ее иностранного происхождения будет подниматься всякий раз, когда правительство станет предпринимать непопулярные социально-экономические или внешнеполитические шаги. Разумеется, массам такое решение было преподнесено как личная жертва в пользу страны и партии.

Важнейшее значение в общественно-политической жизни Индии играет семья и семейные ценности. Семья, как основная хранительница и накопительница кармы, играет важнейшую роль в жизни индийца. Создание и сохранение семьи, рождение и воспитание детей, почитание родителей, любовь к братьям, сестрам, другим дальним и ближним родственникам — это, прежде всего, сакральный, кармический долг. Поэтому было бы странно, если бы политика не использовала чувство привязанности к семье, любви к родителям и детям. Депутат БДП (теперь уже бывший) Ума Бхарти встречала своих избирателей словами: «Я — ваша дочь (или «сестра», в зависимости от обстоятельств). Пообещайте, что проголосуете за меня». (К слову, в своем общении с массами Бхарти активно эксплуатирует и образ саньясина — это, пожалуй, самый распространенный из эпитетов, которыми ее награждают местные СМИ.) Приянка Ганди, проводившая кампанию в поддержку Сони Ганди, нередко апеллировала к сыновним чувствам людей. Например, на одном из митингов она обратилась к собравшимся со следующими словами: «Я приехала сюда с мамой. Я оставляю ее вам. Вы позаботитесь о ней?». По свидетельству репортеров, услышав это, толпа пришла в большое возбуждение [12. С. 55—56].

Наследственность и родство, безусловно, играют важную роль и при отборе кандидатов на руководящие/лидерские посты. Как указывают отечественные исследователи Алаев и Зубов, Индия может служить примером родового наследования власти при помощи демократических процедур [6. С. 108]. В этом отношении пальму первенства держит ИНК, который превратился прямо-таки в семейное предприятие клана Неру — Ганди. Вспомним, как оформился такой политический лидер, как Раджив Ганди. Политикой он занялся в 1981 г. в связи со смертью своего старшего брата Санджая. На тот момент ему было всего 37 лет — крайне мало по меркам Индии, где мудрость и опытность традиционно ассоциируются с преклонным возрастом. Тем не менее, уже в 1983 г. Раджив стал одним из генсеков Конгресса, а в октябре 1984 г. — и премьер-министром (после убийства ма-

тери). Решение о его избрании было принято руководством ИНК единодушно, борьбы за власть в высших эшелонах партии не наблюдалось вовсе. «Делая его премьер-министром, старшие руководители Конгресса в действительности обращались к нему с просьбой выиграть для них парламентские выборы» [6. С. 106]. Несомненно, среди них были честолюбцы, поглядывавшие на ставшее вакантным кресло, однако они трезво оценили преобладавшие в стране массовые настроения. В настоящий момент идет активное вовлечение в политический процесс сына Раджива — Рахула. В 33 года он стал депутатом нижней палаты парламента (нынешнего созыва), однако за все время ее работы выступил лишь несколько раз, да и то по каким-то сугубо местечковым вопросам. Тем более странными выглядели призывы многих рядовых членов ИНК назначить его генеральным секретарем партии. Президент Конгресса и одновременно мать Рахула Соня Ганди поначалу не спешила с этим назначением, «обкатывая» сына в ходе предвыборных кампаний, где его появление неизменно вызывало восторг у широкой публики. Наследник самой известной в мире индийской фамилии стал генсеком в результате внутрипартийных перестановок в сентябре 2007 года, в возрасте 37 лет, «обогнав», таким образом, даже своего прославленного отца.

Справедливости ради стоит отметить, что семейственность, родовое наследование власти свойственны большинству индийских партий — в том числе и коммунистическим, и БДП, которые в противовес ИНК принято считать «идеологическими». Другое дело, что принадлежность лидеров Конгресса к клану Неру — Ганди превратилась едва ли не в главный козырь этой организации, в то время как все остальные не могут похвастаться родством своих руководителей со столь значительными фигурами. Правда, стоит отметить, что местных и региональных вождей индийцы, как правило, знают гораздо лучше, чем общенациональных лидеров, да и доверяют им, судя по опросам, в значительно большей степени. Индийский гражданин зачастую не имеет никакого представления о Джавахарлале Неру или Индире Ганди, но при этом верно назовет депутата от своего округа в Локк Сабхе, т.е. нижней палате центрального парламента [5. С. 487].

Если обратиться к такой составляющей феномена лидерства, как его цели и задачи, то приходится констатировать, что таковыми для подавляющего большинства индийских политиков являются власть и тесно связанный с ней контроль над распределением ресурсов. (Впрочем, как раз в этом аспекте индийский политический процесс мало оригинален.) Безусловно, сказывается повсеместное распространение патронажно-клиентных отношений, в которые на разных уровнях вовлечены индийские политики и общественные деятели. Они просто обязаны позаботиться о группах, оказавших им поддержку, — деньгами, обеспечением участия в разного рода программах по развитию, наконец, постами в госструктурах — благо таковых здесь много. Политические взгляды и ориентации «хозяина» «команду» мало интересуют. К тому же партиям и коалициям, вынужденным учитывать интересы зачастую весьма разнородных групп, крайне сложно бывает выработать непротиворечивую, стройную программу.

Подводя итог, еще раз кратко обозначим те параметры, по которым предполагалось рассматривать феномен лидерства в рамках комплексного анализа. Индийский лидер — не столько политик-технократ, сколько представитель определенной традиционной группы, призванный отстаивать ее интересы. Кастовая, общинная, этнолингвистическая идентификация преобладает и у его последователей, огромное число которых экономически незащищено, неграмотно и опутано сетью традиционных связей еще сильнее, чем их вождь. Отношения между ведущим и ведомыми строятся по принципу «патрон-клиент», когда разного рода ресурсы и покровительство со стороны первого обмениваются на политическую поддержку со стороны вторых. Один из главных элементов ситуации — вертикальная и горизонтальная фрагментированность общества, в котором одновременно присутствуют как традиционные, так и современные слои, а также ячейки кастового, религиозного и этнолингвистического характера. Подобный дуализм, как представляется, отвечает интересам индийской политической верхушки, так как предоставляет большие возможности для политической мобилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Как пишет А.А. Куценков, каста, или джати, в терминологии самих индийцев, — это эндогамная, закрытая, ранжированная группа реальных или потенциальных родственников, живущих по своим обычаям и законам. Каста (в отличие от варны) — локальная структура, ареал расселения которой, круг интересов и влияния не выходят за пределы ограниченной местности или, в лучшем случае, этнокультурного региона. В массовой литературе кастой нередко называют пучок, или кластер джати, имеющих общее, как правило, профессионально обусловленное, название и примерно одинаковый ритуальный статус [13. С. 66].
- (2) Панчаят — орган местного самоуправления в Индии, общинный совет.
- (3) «Хариджань» переводится как «дети Бога»: такое наименование для «неприкасаемых» предложил Махатма Ганди как не несущее негативных коннотаций.
- (4) Общенациональный статус присваивается политической организации в случае, если та добилась определенных результатов в четырех и более штатах; так называемый «штатовский» (не региональный, поскольку такого термина в словаре индийской Избирательной комиссии не существует) — если необходимые результаты были достигнуты менее чем в четырех субъектах федерации.
- (5) Саньяса в представлениях индусов — четвертая, завершающая стадия земной жизни, в ходе которой человек, отказавшись от всякой, даже самой ничтожной, собственности, странствует по дорогам Индии, готовя свою душу к соединению с мировой душой — Брахманом.
- (6) Необходимо отметить, что отношение индийцев к жизни и смерти сильно отличается от принятого в западном цивилизационном ареале, что, на наш взгляд, обусловлено несходством религиозно-культурной традиции. Циклическое представление о времени, вера в перерождение души не способствуют абсолютизации ценности отдельно взятой жизни. В Индии самоубийства совершаются по, казалось бы, совершенно ничтожным поводам вроде неудачи на экзаменах или нехватки денег на карманные расходы.
- (7) Со ссылками на дхарму Соня, возможно, погорячилась: представители клана Неру — Ганди ее постоянно нарушали, вступая в браки с иностранцами, за что, как уверяют традиционные индусы, жестоко поплатились (вспомним, что многие члены семьи умерли не своей смертью). Индира вышла замуж за парса, Раджив женился на итальянке Соне. Сын Раджива и Сони Рахул собирается связать свою судьбу с латиноамериканкой, вызывая тем самым нарекания со стороны индийских масс, недовольных тем, что он «попрал закон».

- (8) Например, Бал Тэкеррей, лидер ультранационалистической партии Шив Сена, не без изящества заметил: «Если так необходимо, чтобы Индией правили иностранцы, пусть уж это будут англичане — у них, по крайней мере, есть двухсотлетний опыт» [7. С. 114].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] www.censusindia.gov.in — правительственный сайт, отражающий результаты переписей населения в Индии.
- [2] Asian Age.
- [3] Hindu.
- [4] Times of India.
- [5] *Алаев Л.Б.* Политическая система и политическая культура Индии // Политические системы и политические культуры Востока. — М., 2007.
- [6] *Алаев Л.Б., Зубов А.Б.* Доминантно-партийная система и личностные ориентации индийских избирателей // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. — М., 1990.
- [7] *Бабич Дм.* Беназир Бхутто — Соня Ганди: к истории правящих в Пакистане и Индии «династий» // Россия и мусульманский мир. — 1999. — № 8 (86).
- [8] *Васильев Л.С.* История Востока: В 2-х т. — Т. 1. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2003.
- [9] *Ефимова Л.М.* Особенности политической культуры Востока // Политические системы и политические культуры Востока. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.
- [10] *Кашин В.* Индия. Звезды и судьбы в политике страны // Азия и Африка сегодня. — 2001. — № 4.
- [11] *Кудряшова Е.В.* Лидер и лидерство. Исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли. — Архангельск, 1996.
- [12] *Куценков А.А.* Индия: традиционный социально-культурный комплекс и политика // Восток. — 2001. — № 4.
- [13] *Куценков А.А.* Индия: традиционный социально-культурный комплекс и политика (продолжение) // Восток. — 2002. — № 1.
- [14] *Weiner M.* The struggle for equality: caste in Indian politics. // The Success of Indian's Democracy / Ed. by Atul Kohli. Cambridge University Press, 2001.

SOME ASPECTS OF POLITICAL LEADERSHIP IN INDIA

E.V. Kruglova

The Department of Political Science
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10 a, Moscow, Russia, 117198

In the article the author undertakes the examination of political leadership in India paying attention to its objective as well as subjective aspects. Leaders' and their followers' behavior is greatly influenced by their membership of the basic ascriptive groups. The relations between those who lead and those who follow them are the patron-client relations. Resources and protection are exchanged for political support. The author regards vertical and horizontal social divisions, the coexistence of traditional and modern layers as well as the existence of caste, religious, ethnic and linguistic groups as the important features of the leadership situation. This duality, as author argues, serves the interests of the Indian political elite, as it provides it with much opportunity for political mobilization.